

заметке открытым (доводы В. В. Виноградова в пользу авторства Достоевского могут быть дополнены рядом других аргументов, которые будут изложены нами в комментарии к очерку о Родионе в отделе «Dubia» Полного собрания сочинений Достоевского, однако, по мнению редакции, они не решают вопроса до конца), мы преследовали в ней иную задачу: привлечь внимание к фигуре одного из забытых русских литераторов, сотрудника «Современника», «Отечественных записок» и «Времени», образ которого продолжал жить в памяти его друзей — Достоевского, Майкова и Порецкого — в 1870-х годах.

И. П. ПРОЖОГИН

ДОСТОЕВСКИЙ ВО ФЛОРЕНЦИИ В 1868—1869 гг.

В четвертом томе издания «Достоевский. Материалы и исследование» опубликован автограф Достоевского, свидетельствующий о том, что, находясь во Флоренции в 1862 г., писатель посещал «Научно-литературный кабинет Дж. П. Вьёссё».¹

Однако в этой существующей и ныне библиотеке, с читальным залом при ней, сохранился не один, опубликованный в названном томе, а три автографа Достоевского. Я обнаружил их несколько лет назад в архиве «Кабинета Вьёссё», как обычно сокращенно называют в Италии эту библиотеку.

Но вначале остановимся на том, что представляет собой сам «Кабинет Вьёссё», сыгравший заметную роль в новой истории Италии. Вернемся и к первому из трех автографов Достоевского — это позволит уточнить и дополнить уже опубликованные о нем сведения.

Основатель флорентийской библиотеки Джованни Пьетро Вьёссё (Онелла, ныне — Империя, 29 сентября 1779 — Флоренция, 28 апреля 1863) родился в семье эмигранта из Женевы. Однако сам Дж. П. Вьёссё считал себя итальянцем. В первые годы своей самостоятельной жизни он занимался торговлей, по коммерческим делам посетил многие страны, в том числе и Россию, о которой оставил еще не опубликованные записки.² Не получив систематического образования, будучи самоучкой, он проявлял живой интерес как к общественным и естественным наукам, так и к литературе, и уже в молодости собрал библиотеку, состоявшую из книг на различных европейских языках.

В 1819 г. Дж. П. Вьёссё обосновывается во Флоренции — в то время столице великого герцогства Тосканского. Очевидно, его привлекла туда относительная политическая терпимость режима этого небольшого итальянского государства, что в период рестав-

¹ См.: Достоевский. Материалы и исследование, т. 4. Л., 1980, с. 174—175.

² См.: Vieusseux e il «Vieusseux». Catalogo delle Mostre. Firenze, 1979, p. 14.

рации, последовавшей за крушением наполеоновской империи, и Священного союза было в Европе довольно редким явлением. Уже в следующем году он открывает там «Научно-литературный кабинет», носивший с самого начала его имя, а впоследствии приступает и к изданию журналов, из которых наиболее важную роль в развитии общественно-политической мысли в Италии сыграли «Антолоджиа» («Антология») и «Архивно сторико» («Исторический архив»). Позже Антонио Грамши отмечал, что Вьёссё сумел создать вокруг себя «центр интеллектуальной пропаганды по организации и „конденсации“ руководящей интеллектуальной группы буржуазии Рисорджименто».³

Вьёссё придал своей культурно-просветительской деятельности совершенно необычную для Италии того времени форму. Будучи представителем нового класса буржуазии, чуждый духу придворного патернализма, не имевший ничего общего с мещанством в традиционном смысле этого понятия, он и во Флоренции, сохранявшей еще многие черты феодализма, вел свои дела на знакомой и близкой ему по духу коммерческой основе. Так, Вьёссё выплачивал гонорары авторам издававшихся им журналов, но и взимал плату за пользование библиотекой.⁴ Понимая, какую выгоду может принести привлечение к числу читателей последней многочисленных иностранцев, приезжавших, а часто и подолгу живших во Флоренции, он стал выписывать из разных стран, включая Россию, книги и периодические издания (до пятидесяти названий газет и журналов).

Возможность получить в «Кабинете Вьёссё» русские газеты и должна была привлечь Достоевского, который во время своих зарубежных путешествий часто жаловался на отсутствие «газетных известий с родины».⁵

В настоящее время «Кабинет Вьёссё» размещается на нижнем этаже знаменитого дворца эпохи Возрождения — палаццо Строцци. Сохраняя первоначальную функцию, он превратился теперь и в своего рода культурно-исторический памятник — библиотеку с подбором литературы, характерной для периода борьбы за объединение Италии и становления единого итальянского государства. На его стеллажах имеются, в частности, полные комплекты ряда русских журналов второй половины XIX — начала XX в.

Большой интерес представляет составленная сотрудниками «Кабинета Вьёссё» картотека имен наиболее известных лиц, как итальянских, так и иностранных, пользовавшихся услугами библиотеки за более чем столетидесятилетнюю историю ее существования и оставивших записи в регистрах. С этой картотеккой меня познакомил служащий библиотеки Маурицио Босси, любезно

³ Gramsci Antonio. Quaderni del carcere, vol. II. Torino, 1975, p. 812.

⁴ См.: Spadolini G. Vieusseux a Firenze — impresario di cultura (a 200 anni della nascita). — La Stampa, 1979, 18 novembre.

⁵ См.: Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1981, с. 193.

приславший затем фотокопии записей, сделанных рукой Достоевского. Они проливают дополнительный свет на жизнь писателя во Флоренции как в 1862 г., так и во время второго, более длительного его пребывания в этом городе — в 1868—1869 гг.

Регистры «Кабинета Вьёсс» — это большого формата книги типа канцелярских. В верхней части каждой страницы типографским способом по-итальянски напечатано: «Мы, нижеподписавшиеся, вступаем в члены Научно-литературного кабинета Дж. П. Вьёсс». Отметим, что сама эта формула указывает на необходимость собственноручной подписи читателей. Рядом с типографским текстом, как правило, проставлены от руки год заполнения и порядковый номер страницы, которая ниже делится на три вертикальные графы. В первую вписан месяц, во вторую — число. Третья графа отведена для подписей читателей и пометок, именно здесь указываются их адреса и оплаченное время пользования библиотекой.

Подпись Достоевского впервые появляется в регистре № 5 на странице 273. Она относится к 16 (4) августа 1862 г. и, как уже говорилось, опубликована (по фотокопии А. Н. Гедройца). В качестве дополнения к сопровождающей эту публикацию краткой заметке добавлю, что гостиница-пансион «Швейцария», где останавливались в 1862 г. Достоевский и Страхов, была расположена на углу улиц Торнабуони (одной из центральных во Флоренции) и Вилла Нуова. Номер же комнаты (№ 20) свидетельствует, что Достоевский жил на втором (по принятому у нас счету — на третьем) этаже.

Во время Достоевского «Кабинет Вьёсс» помещался в палаццо Буондельмонте на площади Санта Трипита, которую пересекает улица Торнабуони, на расстоянии одного квартала от гостиницы-пансиона «Швейцария», в нескольких минутах ходьбы от него.

В апреле 1867 г. Ф. М. Достоевский со второй своей женой Анной Григорьевной выехали из Петербурга за границу, где пробыли в общей сложности более четырех лет.

Во Флоренцию, ставшую с 1865 г. временной столицей Италии, Достоевские приехали из Милана в конце ноября 1868 г., очевидно в самых последних числах месяца. Анна Григорьевна даты не уточняет. Но последнее из дошедших до нас писем, отправленных Федором Михайловичем из Милана, датировано 9 ноября (28 октября ст. ст.), а первое из Флоренции — 23 (11) декабря (II, II, 146, 148).

«Во Флоренции, к нашей большой радости, нашлась отличная библиотека и читальня с двумя русскими газетами, и мой муж ежедневно заходил туда почитать после обеда, — вспоминала А. Г. Достоевская. — Из книг же взял себе на дом и читал всю зиму сочинения Вольтера и Дидро на французском языке, которым он свободно владел».⁶

⁶ Там же, с. 194.

Несомненно, А. Г. Достоевская имеет в виду уже знакомый нам «Кабинет Вьёсс». В его регистре № 7 на странице 111 под датой 17 декабря (5 декабря ст. ст.) 1868 г. рукою Достоевского по-французски написано: «Г-н Теодор Достоевский, улица Гвиччардини № 8, на втором этаже» («M-r Theodore Dostoiewsky, via Guicciardini (так!) № 8, au second»). Здесь же библиотечкарем, также по-французски, отмечено: «Оплачен 1 месяц пользования библиотекой» («1 mois à la Bibliothèque payé»).

В своей фамилии букву «в» Достоевский на этот раз обозначает латинским «w», а не «v» (как в 1862 г.), что должно быть связано с иной, чем прежде, латинской транскрипцией фамилии в его паспорте. Слово «улица» написано по-итальянски. В названии же ее допущена ошибка. Улица носит имя знаменитого флорентийского историка XVI в. Достоевский вставил в это имя лишнее «h», написав «Guicciardini» (читается «Гвичкардини») вместо «Guicciardini».

Сопоставляя время приезда во Флоренцию с датой записи, можно заключить, что Достоевским понадобилось около трех недель, чтобы подыскать себе скромную квартиру (опять-таки на третьем, по принятому в России счету, этаже). Иначе трудно понять, почему писатель, так равнившийся к русским газетам, не записался в библиотеку раньше.

Улица Гвиччардини находится на левом берегу Арно и ведет от понте Веккио (Старого моста) к дворцу Питти. Дом, в котором предположительно жили Достоевские, известен как «дом Фабриани».⁷ Замечено, что Достоевский предпочитал селиться в угловых зданиях. «Дом Фабриани», стоящий почти напротив Палаццо Питти (как и гостиница-пансион «Швейцария»), не представляет в этом отношении исключения. Здание выходит боковой стороной на узенькую, как щель, улочку, через которую переброшена арка. На лицевом фасаде этого старого, внешне ничем не примечательного строения с пирременными во Флоренции зелеными ставнями-жалюзи теперь висит мраморная мемориальная доска с надписью: «Здесь на рубеже 1868 и 1869 годов Федор Михайлович Достоевский завершил роман „Идиот“».⁸

Закончив работу над «Идиотом», Достоевский возобновил посещение «Кабинета Вьёсс». Об этом свидетельствует третья, также неизвестная у нас записка, сделанная им в том же регистре № 7 на странице 120 и датированная 2 февраля (21 января ст. ст.) 1869 г. На этот раз она ограничивается лишь подписью во

⁷ См.: Dentler Cl.-L. Famous Foreigners in Florence. 1400—1900. Firenze, 1964, p. 68.

⁸ Заметим, что употребленный в этой надписи итальянский оборот «in questi pressi» менее категоричен, чем русское «здесь», и может быть переведен как «где-то здесь». Возможно, что при установлении мемориальной доски дом, в котором жили Достоевские, не был точно определен. Теперь, когда в регистре «Кабинета Вьёсс» обнаружена запись Достоевского с указанным адресом, следовало бы проверить, какой дом по ул. Гвиччардини носил в то время № 8.

французской транскрипции: «Th. Dostoiewsky». Рядом библиотечный служащий приписал по-итальянски: «Адрес тот же, что прежде <...> месяцев» оплачено 1⁰ ф». Многоточием в угловых скобках я отмечаю здесь передаваемый в русском переводе артикль множественного числа и следующий за ним неразборчивый знак, судя по всему — цифру, обозначающую число оплаченных месяцев пользования библиотекой. Все же, по-видимому, стесненный в средствах Достоевский внес плату лишь за один месяц; на это, несмотря на артикль множественного числа, указывает другой, приписанный ниже знак, который может быть прочтен как цифра «1» с добавленной к ней буквой «о» — окончанием итальянского «uno», т. е. опять-таки «один».

Попутно отмечу, что в числе русских книг, которыми располагает «Кабинет Вьёсе», имеются и произведения Достоевского. Это два тома романа «Проступление и наказание» в петербургском издании 1867 г., тот же роман в берлинском издании И. П. Ладужникова 1922 г. и «Братья Карамазовы» в петербургском издании 1881 г. Учитывая время пребывания Достоевского во Флоренции, можно было предположить, что на первой из этих книг имеется автограф писателя. Самых книг я, однако, в «Кабинете Вьёсе» не застал: пострадавшие от обрушившегося на Флоренцию в ноябре 1966 г. наводнения, они все еще, даже более десяти лет спустя, находились в реставрационной мастерской. Но М. Босси по моей просьбе звонил туда по телефону. Ответ был получен отрицательный — никаких надписей на книгах Достоевского нет.⁹

В. Д. РАК

СПОР ДОСТОЕВСКОГО С Н. К. МИХАЙЛОВСКИМ В 1875 г.

Изучение творческой истории «Подростка» привело в свое время А. С. Долинина к выводу о том, что в романе был «как бы услышан»¹ призыв, которым заканчивалась рецензия Н. К. Михайловского на роман «Бесы», появившаяся в февральской книжке «Отечественных записок» за 1873 г.: «Пока вы занимаетесь безумными и бесноватыми *citoyen*'ами и народной правдой, на эту самую народную правду налетают, как коршуны, *citoyen*'ы благородные, не беснующиеся, мирные и смиренные, и рвут ее с алчностью хищной птицы, но с аллюрами благодетелей человечества. Как! Россия, этот бесноватый большой, вами изображаемый, перепоясывается железными дорогами, усыпается фабриками и банками, — и в вашем романе нет ни одной черты из этого мира!

⁹ Подробнее о пребывании Достоевского во Флоренции см.: Прожогин Н. Достоевский во Флоренции. — Иностранная литература, 1981, № 8, с. 237—244.

¹ Долинин А. С. В творческой лаборатории Достоевского. (История создания романа «Подросток»). Л., 1947, с. 156.

Вы сосредоточиваете свое внимание на ничтожной горсти безумцев и негодяев! В вашем романе нет беса национального богатства, беса самого распространенного и менее всякого другого знающего границы добра и зла <...> Вы не за тех бесов ухватились <...> Рисуйте действительно нераскаянных грешников, рисуйте фанатиков собственной персоны, фанатиков мысли для мысли, свободы для свободы, богатства для богатства. Это ведь тоже *citoyens du monde civilisé*, но *citoyen*'ы, отрицающие свой долг народу или педодумавшиеся до него <...> Значит оппозитно именно и составляют искомую вами противоположность Власам и дерзостным мужикам, практикующим искушительное страдание и только в нем находящим примирение со своею измученною совестью».² Все содержание «Подростка», где «тема денег, „богатства для богатства“ играет <...> исключительную роль», свидетельствует, по мнению А. С. Долинина, о том, что Достоевский со вниманием отнесся к совету критика и «разработал тему, указанную ему Михайловским».³ Высказав первоначально свою мысль в виде осторожного предположения («как бы»), ученый впоследствии облек ее в категорическую формулировку бесспорного факта, хотя аргументацию ничем не усилил: «В „Подростке“ призыв этот явно услышан».⁴

Серьезные возражения против утвердившейся в литературоведении на основе этого вывода концепции, согласно которой «Подросток» создавался под влиянием Михайловского, выдвинул недавно Е. И. Семенов. Достоевский, рассуждает он, уловил и воплотил в персонажах «Бесов» такие глубинные явления и процессы буржуазного общества, которые во всей полноте и сущности обнаружились только в XX в. «Михайловский по ряду исторических и гносеологических причин не имел возможности оценить *антибуржуазный* пафос <...>, проявившийся в „Бесах“, несмотря на реакционные *политические* тенденции писателя». В своей рецензии, продолжает Семенов, он фиксировал внимание Достоевского «на тех приметах капитализации России, которые были ясны и рядовому непредвзятому наблюдателю», а Достоевский, более прозорливый, в это время искал «в настоящем *не проявившиеся* еще актуально черты *будущего* общественного развития». Другими словами, Михайловский не мог ничего подсказать Достоевскому, чего тот не знал бы и не видел бы, так как поимал действительность глубже и пронизательнее критика-народника. Последний, заключает Е. И. Семенов, «мог предоставить своими статьями немаловажный психологический и идеологический материал писателю, который пристально вглядывался в своих молодых современников, пытаясь различить смутные черты создаю-

² Михайловский Н. К. Соч., т. 1. СПб., 1896, с. 871—872.

³ Долинин А. С. В творческой лаборатории Достоевского, с. 156—157.

⁴ Долинин А. С. Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.—Л., 1963, с. 13.